

Толстымъ съ тѣхъ самыхъ порь, какъ онъ взялся за перо. Эти проблески жизненного смысла проглядываютъ у него, еще у художника *pur sang*. Но пока онъ мыслить образами; и въ образахъ намѣчалъ мысли, явившіяся затѣмъ въ отвлеченной формѣ. Привычка мыслить образами брала свое и послѣ. Въ полномъ согласіи съ его отвлеченнымъ ученіемъ находятся: „Крейцерова Соната“, „Воскресенье“ и другія произведенія, написанныя тогда, когда у „яснополянского христіанина-стоика“ уже назрѣла потребность начертать схему своего дѣянія жизни.

Посмотрите громадную серію морализующихъ, теологизирующихъ и философствующихъ статеекъ послѣдняго периода писательства, бывшихъ для русской публики долгое время подъ спудомъ. Въ нихъ нѣть системы знанія, гдѣ все было бы методично отъ а до з въ возврѣніяхъ философа, моралиста и теолога.

Современному человѣку *знаніе* дорого объясняемъ причинъ, установленіемъ законовъ, т. е. взаимной сцѣпленности явлений, ихъ послѣдовательности и сосуществованія. У Толстого ничего подобнаго вы не найдете. Эта серія статей есть сѣть многорѣчныхъ размышлений по поводу явлений, къ которымъ обыкновенно примѣняютъ критерій моральныхъ цѣнностей добра и зла, права и не права. А эта сѣть размышлений есть ничто иное, какъ тѣ же вопросы, надъ которыми когда-то задумывались кн. Нехлюдовъ, Оленинъ, Левинъ, Пьеръ Безуховъ и др. Сказать иначе—это высокохудожественные комментарии къ постановкѣ и разрѣшенію тѣхъ же вопросовъ. Мы могли бы привести много цитатъ изъ этихъ произведеній, подтверждающихъ ту мысль, что между художникомъ—Толстымъ и между Толстымъ—мыслителемъ по содержанию главныхъ мотивовъ нѣть ни-